

УДК 101

КРУГЛЫЙ СТОЛ
«ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

Модератор: доктор философских наук, профессор О.А. Габриелян

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

Во второй половине XIX – начале XX века среди образованной публики были популярны разговоры о «смерти философии». Но они оказались явно преждевременны – первая половина XX века ознаменовалась ярчайшим ренессансом, подарившим философской традиции целое созвездие школ и персоналий. В наше время тема «смерти философии» не является сколько-нибудь актуальной, но вот жива ли она на самом деле? Не в смысле вечности великой философской традиции, а в смысле реального участия в осмыслении и решении актуальных проблем современного человека. Где новые философские парадигмы, школы, основоположники? Не становится ли философия похожей на астрологию, хиромантию и гаруспию – гадание по внутренностям животных?

Очевидно, это вызов. Современная философия трансформируется в проблемном поле современности и начинает пересекаться с когнитивными науками, с наукой в целом, с футурологией, отсюда и появляется медиафилософия, философия искусственного интеллекта, оживают мировоззренческие типы философии, например, постантропологическая философия, трансгуманизм – в русле цивилизационных и антропогенных вызовов и прогнозов. На наш взгляд, практическая философия набирает обороты, появляется множество философских жанров, стилей мышления и способов построения дискурсов, в которых сложно разобраться. Но это открывает для философии и, прежде всего, практической философии новые перспективы. В связи с чем можно говорить о ренессансе философии.

Отмеченным обусловлена идея провести своеобразный Круглый стол. Мы обратились к нашим коллегам с пятью вопросами о практической философии. Получили разные и неожиданные ответы от эпатажных до системных. Обдумывая вопрос, как их представить, остановились на предлагаемом ниже варианте.

УЧАСТНИКИ:

Дмитрий Игнатьевич Выдрин (Украина, г. Киев, г. Ялта) – доктор философских наук, профессор.

Алексей Петрович Воеводин (ЛНР, г. Луганск) – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии Луганской государственной Академии культуры и искусств им. М. Матусовского.

Олег Аршавинович Габриелян (Россия, г. Симферополь) – доктор философских наук, профессор, декан философского факультета Таврической Академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, заведующий кафедрой философии. (Ответы коллег из Греции и Индии даны в переводе с английского О.А. Габриеляна).

Феликс Васильевич Лазарев (Россия, г. Симферополь) – доктор философских наук, профессор кафедры философии философского факультета Таврической Академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.

Сергей Александрович Лебедев (Россия, г. Москва) – доктор философских наук, главный научный сотрудник философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры философии МГТУ им Н.Э. Баумана.

Андрей Иванович Макаров (Россия, г. Волгоград) – доктор философских наук, профессор кафедры философии Волгоградского государственного университета.

Сергей Анатольевич Маленко (Россия, г. Великий Новгород) – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, культурологии и социологии Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого.

Андрей Григорьевич Некита (Россия, г. Великий Новгород) – доктор философских наук, профессор кафедры философии, культурологии и социологии Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого.

Евангелос Протопадакис (Греция, г. Афины) – доцент кафедры прикладной этики, директор Лаборатории прикладной философии Афинского национального университета им. И. Каподистрии, член греческого отделения Международной кафедры биоэтики.

Прийти Дас (Preeti Dibundu Das) (Индия, Нью Дели) – доктор философии, Центр русских и азиатских исследований Школы международных исследований университета им. Джавахарлала Неру.

Григорий Львович Тульчинский (Россия, г. Санкт-Петербург) – доктор философских наук, профессор кафедры прикладной политологии отделения прикладной политологии факультета менеджмента НИУ ВШЭ (Санкт-Петербургский филиал).

Юлия Владимировна Шичанина (Россия, г. Ростов-на-Дону) – доктор философских наук, профессор Ростовского филиала Российской таможенной академии.

Михаил Наумович Эпштейн (США, г. Атланта) – заслуженный профессор теории культуры и русской литературы университета Эмори.

ОБСУЖДЕНИЕ

1. В чем смысл и специфика практической философии в контексте вызовов современного мира?

Ф.В. Лазарев:

В корпусе традиционного философского знания практическая философия как определенный тип рефлексии занимает весьма специфическое место и имеет неустоявшийся дисциплинарный статус. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в течение многих десятилетий эта дисциплина не преподавалась на философских факультетах отечественных вузов. Однако в XXI в. актуальность данного типа рефлексии резко возросла в свете вызовов и угроз современной цивилизации. В связи с этим возникла необходимость не только существенно расширить предметное поле практической философии,

но и переосмыслить ее дисциплинарный и методологический статус. Сегодня можно сказать: предмет рассматриваемого дискурса – это совокупность всех исторически складывавшихся типов практик и прежде всего тех, которые сформировались на наших глазах (информационные технологии, космизация, цифровизация и т.п.). Философия поворачивается лицом к жизни, она

обращает свой взор к современным конкретно-историческим реальностям, к острым, полным противоречий и драматизма проблемам глобального мира.

Г.Л. Тульчинский:

Роль и значение практической философии обусловлены общей трансформацией практически всех сфер современного образа жизни: экономики, бизнеса, политики, науки, образования, искусства, личной жизни. В этой ситуации возникает запрос на смысловую картину мира – не умозрительную, а выводящую к социально-культурным практикам, самоопределению и позиционированию личности в современном социуме. Плюс проблема комплексной гуманитарной экспертизы не только последствий, но и проектирования, разработок и реализации современных технологий – тоже предполагает целостность смысловой картины мира, реализовать которую может только философия, опять же не как абстрактная доктрина, общая идеология, но отвечающая на конкретные вопросы современного бытия, его контексты и перспективы.

Д.И. Выдрин:

Начну с того, что я не различаю «теоретическую» и «практическую» философию. Более того, я сторонник известной точки зрения о том, что нет «ничего практичнее, чем хорошая теория». Именно «хорошая» теория, поскольку только она дает максимально четкую, пронзительно ясную и не искаженную картину мира. Тогда в соответствии с ней и наши действия будут точными и адекватными. Соответственно и дальше я буду оперировать термином просто «философия» как концентрированная мудрость, просвечивающая, сканирующая наш зыбкий и туманный мир.

Е.Д. Протопадакис:

Смысл и специфика практической философии в контексте вызовов современного мира не отличаются от того, что было всегда. Мир, то есть природная среда, но также и сама наша природа, всегда были сложными для нас, людей. Различные проблемы, которые каждый раз возникали перед нами, на мой взгляд, могут сводиться всего к двум общим типам: естественные проблемы, которые касаются сохранения нашего индивидуального существования, а также существования всего вида, с одной стороны, и проблемы, которые касаются межличностных отношений, того, как мы взаимодействуем с другими. Что касается первого типа проблем, то мы доверили их решение науке и ее детищу, технологии; решение второго типа проблем, однако, является задачей практической философии, главным образом этики. Только здравый смысл говорит о том, что чем более продвинутой и сложной является окружающая нас реальность, тем труднее решать сложные и деликатные проблемы, которые идут рука об руку с прогрессом и эволюцией. Сейчас наш мир гораздо более требователен, чем тот, каким был мир пятисот лет назад, и, вероятно, гораздо менее требователен, чем тот, каким он будет через пятьсот лет. Под этим я подразумеваю, что если работа с этикой имела огромное значение для мира, в котором жил Аристотель, то для нас это абсолютная необходимость, и эта необходимость будет постоянно возрастать в ближайшие годы. Поэтому я не боюсь утверждать, что этика и практическая философия в целом могут вполне обоснованно стремиться к великому будущему.

Я уверен, что сегодня практическая философия-единственная альтернатива хаосу, и я не считаю, что это гипербола, как бы напыщенно это ни звучало. Больше, чем в любой другой период долгой истории нашего вида, сегодня мы сталкиваемся с многочисленными насущными проблемами, которые необходимо решить, начиная от того, что людям должно быть позволено делать со своим телом и самим собой, и

заканчивая тем, что нации имеют право делать друг с другом. Если философам не поручена задача ответить на эти вызовы, будут ли это политики или технократы? Но их работа, как я вижу, состоит не в том, чтобы решать, что следует делать, а в том, как это сделать. Нам нужна политическая философия для урегулирования внутренних и межнациональных конфликтов, не прибегая к кровопролитию; нам нужна философия права, чтобы принимать адекватные решения о том, как мы могли бы наилучшим образом организовать чрезвычайно сложные общества, в которых мы живем; нам нужна этика, чтобы определить, каковы оптимальные способы взаимодействия с другими. Одним словом, сейчас, как никогда, мы нуждаемся в практической философии.

Прийти Дас:

Ориентированная на личные действия практическая философия имеет дело с этикой, эстетикой и мудростью. Человеческое поведение – это воплощение тела, разума и души, а критическое мышление помогает в принятии решений. Итак, главная роль практической философии направлена на «хорошую жизнь». В Индии все связано с божественностью, и считается, что природа чиста, постоянно движется и обладает врожденными способностями к исцелению. Поддержание праведности и эстетики не всегда возможно, поэтому критическое мышление имеет решающее значение для решения проблем. Практическая философия затрагивает основные вопросы, связанные с познанием самого себя, со знанием об окружающем мире, о мудрости и справедливости. Бхагват Гита считается одним из лучших произведений, посвященных практической философии в Индии.

Элементы мудрости и вселенской любви – это ядро философии. Но отражается ли эта вера во всем, что человек делает? Существует определенный уникальный социальный и культурный вклад каждой нации и народа в развитие человечества, придающий исключительный смысл жизни и ее непрерывности. Индийский мудрец Патанджали (Patanjali) предложил йогу и сутры, сдерживающие ум и соблюдающие его истинную природу, отношение ума и естественную реакцию.

В целом практическая философия и наука рассматриваются как равноправные партнеры в работе с творческими мыслями, в их исследовании истины. Это помогает в когнитивном подходе к решению современных задач.

А.П. Воеводин:

Как и любое теоретическое знание, философия не есть кристалл с четко очерченными границами. Скорее всего, она, подобно электрону, существует в виде размазанного облачка с кернам (сердцевиной). Суть, центральный нерв философии – это загадка (все)общего, все равно в каком виде – первовещества, понятия, божественного смысла, идеи, универсалий, закона, познания, энергии, ценности и пр. Поэтому философия ищет свою предметность в разнообразных сферах жизни. Но равно и обратное – каждая сфера в поисках обобщения своей предметности в общей теории вынуждено обращается за помощью к философским инструментам, к методологии познания. Например, физика, доходя до собственных категориальных пределов возможности теоретической интерпретации мира в лице Гейзенберга или Шредингера, ищет выход в философском инструментарии, ее опыте категориальной картины мира. Поэтому теоретический шлейф парафилософских умозрительных построений в качестве саморефлексии неизбежно сопровождает процесс взросления каждой науки и сферы человеческой деятельности, венчает ее как печать ОТК, считается украшением, короной, свидетельством собственной зрелости и теоретической состоятельности. Является ли это свидетельством практичности философии? Вряд ли. Если представить себе науку как здание, в котором каждой дисциплине соответствует комната, например, биология, в которой можно всю жизнь просидеть и не знать, что рядом есть музыковедение, то

философия – это общая схема здания, фундамент, этажи, крыша, лестничные переходы. Более того, в каждой комнате одинаковая мебель – пространство, время, форма, содержание, причина, возможность и др. категории философии. В этом и состоит практичность философии – организовывать единство мышления и взаимопонимание в соответствии с картиной мира. Истинная цель и сверхзадача

философии – это система категорий, которой, к сожалению, сейчас не учат. Поэтому «философы» ищут себе социальную нишу и легкий заработок – консультации по любым вопросам – и называют это практической философией.

Есть теоретически абсолютно не исследованная сфера нашей жизни – сфера ценностей. Аксиологию обычно интерпретируют в формах гносеологической логики и это скандал, никто не видит противоречий. Разве что Мур, Витгенштейн на это обратили внимание. Вот это и есть подлинная сфера практической философии как философии целесообразной человеческой деятельности.

Главная беда нашей школы – созерцательность, гносеологизм, рационализм и панлогизм. А эмоции важнее, чем мышление, и это аксиология.

Отмеченное определяет мои ответы на заданные вопросы. В частности, ответ на первый вопрос: назначение и предмет практической философии – это анализ наиболее общих законов логики целесообразного практического мышления в любой сфере человеческой деятельности.

А.И. Макаров:

Методологический смысл практической философии в том, чтобы обеспечить необходимую связь между теоретической философией и насущными жизненными проблемами индивидов и коллективов. Социальный смысл практической философии сегодня в том, чтобы реабилитировать философию в глазах общества после ее дискредитации унылым схоластическим преподаванием философии в вузах.

С.А. Маленко:

Сегодня мы столкнулись с ситуацией, когда аналитические области научного знания воспринимаются и властью, и обществом как сферы, способные лишь поглощать излишние ресурсы в процессе сопровождения тех или иных управленческих и социокультурных проектов. В такой ситуации жесткая необходимость быстрой окупаемости практически полностью нивелирует необходимость какого бы то ни было теоретизирования над глобальными проблемами, с которыми человечество сталкивается сегодня повсеместно. Как раз философия одной из первых попала в такую ситуацию, став в буквальном смысле заложницей чрезвычайной абстрактности своих теоретических конструктов. А необычайная утилитаризация повседневности и вовсе вытеснила эту древнейшую область знания из сферы круга проблем, с которыми постоянно сталкивается любой человек.

А.Г. Некита:

Подобные кризисные процессы требуют новых мыслительных и коммуникативных стратегий, способных осознать необычайно возросшую социокультурную ценность философского знания в современном прагматичном мире. Поэтому именно практическая философия фактически является правопреемницей, с одной стороны, классической философии. А с другой стороны, только она способна разработать и актуализировать новый перечень острейших мировоззренческих проблем, которые необходимо постоянно представлять «городу и миру» в современных языковых практиках, опирающихся как на актуальные научно-технические новации, так и способных учитывать специфику динамической трансформации традиционных потребительских запросов общества и власти.

Ю.В. Шичанина:

Современный мир, принимая во внимание актуальную ситуацию политико-экономического и социокультурного кризиса, высокую степень неравновесности и стохастичности социотехнических систем, нестабильности, неопределённости, нелинейности современных институтов и процессов – это

«общество риска» (У. Бек). Соответственно специфика практической философии современности в том, что она выступает философским риск-менеджментом, антропологической практикой освоения и осмысления экзистенциальных стратегий управления современными гуманитарными рисками с целью удержать человека и общество в границах осмысленности и управляемости.

2. Имеет ли практическая философия свою особую методологию постижения многомерной реальности и свой дисциплинарный контент?

Ф.В. Лазарев:

Современная практическая философия, разумеется, включает в свой исследовательский арсенал все наиболее продуктивные методологические средства, которые нарабатала философская мысль. При этом следует иметь в виду, что важнейшим объектом рефлексии данной дисциплины являются сложные и сверхсложные многомерные системы. В этом контексте специфической методологией для нее может стать интервальный подход.

\

Г.Л. Тульчинский:

Думается, что речь идет не о методологии, а некоторых общих принципах. Например:

- общий персонологический сдвиг гуманитарной парадигмы и особенно философии от проблем сущего, проблем способа познания этого сущего и определяющих эти способы к источнику, средству и результату этого процесса, каковым является личность, обладающая самосознанием.
- условия и гарантии формирования такой личности, ее самореализации;
- знание конкретных социально-культурных практик и соответствующих ценностно-нормативных систем, общих тенденций развития.

Д.И. Выдрин:

Философия, в отличие от других гуманитарных дисциплин, не стремится упростить картину мира. Ей, напротив, методологически «нравятся» сложные сущности. Ведь для нее главное понять всё в единстве многообразия, а не выхватить пусть базовую, но одну тенденцию. Поясню. Та же политика тяготеет к упрощенной черно-белой картине бытия. Она «рисует» мир тушью. Ведь в политике скорость принятия решений, важнее их глубины. А философия рисует «картину маслом». По методологии она не график, а художник. Ей важен каждый оттенок не только серого, но и всех остальных цветов.

Тут сталкиваются два подхода – филигранное «лезвие Оккама» и зазубренный топор мужлана. Чтобы побыстрее принять решение надо отсечь от сути по максимуму. А, чтобы вникнуть в суть, нужны все ее краски. Ну, кроме случайных наслоений.

Пример. Вот посылают американские начальники воинский контингент в Ирак. Политики, или просто руководители с политическим типом мышления, принимают мгновенно решение: в оккупационном контингенте должны по этническому составу преобладать чернокожие. Ведь они, исходя из стереотипов сиюминутного здравого смысла, лучше белых переносят дикую жару Междуречья.

А немногочисленные персоны с философским складом мышления думают: вряд ли мир устроен так просто. Ставят эксперименты. Оказывается, что белые лучше адаптируются к знойному климату. Ведь они исторически участвовали в сложных технологических и социальных процессах. Соответственно совершенствовались их адаптивные навыки на генетическом уровне.

Философия, напрягающая ум, оказалась сильнее в практическом плане здравого политического смысла. Последнему, лишь бы «закрыть тему», а не понять ее во всем многообразии.

Короче, никто лучше не определил суть философской методологии, чем древний мыслитель, который призывал «не плакать, не смеяться, а понимать».

Е.Д. Протопапакис:

Я не уверен, что практическая философия имеет свою особую методологию, но уникальность практической философии заключается в присущей ей потребности в междисциплинарности и открытости. Под этим я подразумеваю, что кажется абсолютно невозможным заниматься прикладной этикой, скажем, абстрактно, как если бы прикладная этика была метафизикой. Совсем наоборот, специалисты по этике, которые занимаются этой областью, должны искать информацию и

подтверждение своими взглядам со стороны различных наук, точно так же как политические философы должны искать основания своим концепциям у социологов, политологов и у прочих исследователей. Как я уже предполагал, реальность стала намного сложнее, чем была даже сто лет назад, и это не оставляет места для неосведомленных, неквалифицированных, субъективных взглядов. Чтобы сделать это еще более ясным, я приведу пример, взятый из моего личного опыта. Несколько лет назад я решил написать книгу об этике клонирования человека в целях воспроизводства. Мой первоначальный план состоял в том, чтобы включить главу, в которой я бы поставил под сомнение перспективу легализации клонирования человека на том основании, что, по крайней мере, с моральной точки зрения проблематично производить идентичные копии существующих индивидуумов, поскольку это уменьшило бы биологическую уникальность индивидуумов. Однако, когда я проконсультировался с биологами, с которыми сотрудничал, был удивлен, услышав, что генетически невозможно создать идентичные копии любого живого существа. Точно так же, как и в случае с монозиготными близнецами, должна быть хотя бы небольшая, крошечная разница – но все же разница – в их геноме и, следовательно, в их фенотипе. В заключение

хочу отметить, что тонкие и сложные вопросы как таковые требуют поли- и междисциплинарных подходов.

Приити Дас:

Поскольку практическая философия имеет дело с различными областями, не существует единой методологии, которой она могла бы следовать. Ее методы постоянно развиваются и видоизменяются, расширяя возможности различных дисциплин исследовать мир. Она опирается на систему убеждений и предположений о развитии знаний, и ее главной целью остается преодоление разрыва между людьми и культурами.

А.П. Воеводин:

Методология должна соответствовать предмету – единству гносеологии и аксиологии в антропологии. Контент – праксеология.

А.И. Макаров:

Специфичность практической философии состоит в реальном диалогизме (диалог как речевая стратегия), интерактивности подхода философа-практика.

А.Г. Некита:

Рассуждения по поводу особого методологического инструментария практической философии более всего напоминают дискуссии об уникальности культурологических исследований современного цивилизационного развития. Поскольку именно наличие особенной методологии позволяет дисциплинарно и институционально конституировать новую область знаний. Однако, как раз «живое» присутствие и тесное взаимодействие традиционных и современных методов изучения социокультурной реальности делает возможным трансформацию «чистой» философии в философию практическую. С присущим ей обновленным перечнем экзистенциальных, социальных и онтологических проблем. Показательно, что уже существующего методологического аппарата более чем достаточно для трансформации философии в жизненно важную для человека и общества область знаний. Мировоззренческая ценность практической философии при ее корректной адаптации к повседневным запросам человека может достаточно быстро превратить ее в первую и наиболее востребованную область практического знания и действия, которая всегда наготове и под рукой. Потому проблема состоит не в уникальности методологии и методов, а в актуальном соответствии философского теоретизирования реальным запросам человека и общественной среды.

Ю.В. Шичанина:

Если понимать современную практическую философию как философский риск-менеджмент, то особая методология выступает результатом выбора управляющей стратегии интерпретации, оптимизации и минимизации экзистенциальных и социокультурных рисков, алгоритма решения актуальных для человека проблем, практического применения философских стратегий для решения конкретных задач.

3. Как позиционируются такие философские дисциплины, как философия права, философия религии, философия политики и др. и в целом социальная философия, относительно практической философии?

Ф.В. Лазарев:

Практическая философия, обращаясь к проблемам морали, права, религии, политики находит свой собственный ракурс анализа, свою специфическую познавательную позицию. Во -первых, она рассматривает эти формы как исторически сложившиеся типы практик, во-вторых, она анализирует их функционирование в контексте драматических проблем современного мира и ищет конкретные способы разрешения этих последних.

Г.Л. Тульчинский:

Как и позиционировались – это вполне себе самостоятельные дисциплины. А практическая философия выступает по отношению к ним в двух ипостасях – одновременно интегрирующей рефлексией концептов и осмыслением практических применений в социально-культурном инженеринге.

Д.И. Выдрин:

Философия права, философия религии и пр. – это не отдельные науки со своим собственным научным аппаратом, методологией, приемами и парадигмами постижения сущего. Это только сферы приложения философского анализа. Это – то или иное поле философской игры ума. Гегель ни на секунду не переставал быть исключительно философом, когда он анализировал правовые или религиозные аспекты. Когда судьи судят философа, они остаются правоведами. А когда философ судит о праве, он остается философом.

Е.Д. Протопадакис:

На мой взгляд, который, конечно, не единственный, все отмеченные области являются неотъемлемыми частями практической философии или, по крайней мере, «привилегированными партнерами». То, что на самом деле обсуждается в этих областях, является абсолютно практическими проблемами. Это означает, что даже если специалисты по этике, политические философы и т.д. имеют определенную теоретическую подготовку, их взгляды всегда должны быть сосредоточены на практическом воздействии их взглядов, на то, как на реальность повлияло бы, могло бы или должно повлиять то, что они предлагают. Конечно, существуют способы заниматься этикой или политической философией, скажем так, без какой-либо ссылки на реальный мир и без практических последствий того, чтобы чьи-либо взгляды могли бы повлиять на жизнь людей. На мой взгляд, практическая философия в равной степени нуждается как в теоретической, так и в практической мудрости. В противном случае она рискует либо породить бессмыслицу, либо заложить основу для тоталитаризма, как это чаще всего случалось в прошлом.

Прийти Дас:

Теоретически в основе нормативной философской темы всех этих дисциплин, в первую очередь этики, метаэтики, философии права, социальной и политической философии, лежит всеобщая любовь, любовь к добродетели. Человеческая деятельность по выживанию, возможно, предшествовала философствованию, размышлению о том, что, как и почему нужно делать для лучшей жизни. В современном мире трудно представить развитие любого из них без критического мышления.

А.П. Воеводин:

Философия искусства, философия истории – это просто общие теории искусства и истории и пр. А вот этика, эстетика, социология – это не философия, а самостоятельные науки, где познание и ценности нужно исследовать в контексте антропологии и психологии.

А.И. Макаров:

Отмеченные дисциплины помогают идентифицировать специфику предмета интерактивной беседы.

С.А. Маленко:

Традиционная дифференциация философского знания является закономерным и вполне предсказуемым результатом распространения классических философских установок изучения социальной реальности в необычайно конкурентной политической, научной и социокультурной среде. Естественным следствием этой практики стали обстоятельства, превратившие указанные области философского знания в особые метатеории (с присущими каждой из них метаязыком и методологиями), активно настраивающиеся над уже существующими институциональными лакунами цивилизации. Как раз эта научная стратегия с необходимостью превращала философию в финального телеологического интегратора всего знания, единственно способного удержать и

человечество, и общество, и культуру от окончательного распада по любому из принципиально возможных оснований.

А.Г. Некита:

Кроме того, отмеченная дифференциация четко соответствовала социально-политическим трансформациям цивилизации и выдвижению политики, которая «конкретностью» своего тоталитарного доминирования пыталась компенсировать абстрактность философских построений. В этой связи нельзя не вспомнить тезисы о Фейербахе, в одном из которых Маркс четко сформулировал практические задачи новой «философии»: философия должна не столько объяснять мир, сколько изменять его. Таким образом, как раз практическая философия, имеющая подобный богатейший опыт определения социальной значимости философии, должна сегодня удержаться от соблазна превращения в потенциально востребованного политического и сервильного агента современной цивилизации. Но сохранить, при этом присущие классической культуре изящества и глубину мысли, слова и действия. Только она способна любой ценой удерживать обывателя как от фатального погружения в пучину вульгарного натурализма и пошлого физиологизма повседневности, так и от формального функционализма социальной коммуникации в сферах материального и духовного производства. Потому именно полномасштабное сближение практической философии с современным искусством и нравственностью имеет особую гуманистическую и цивилизационную миссию.

Ю.В. Шичанина:

Практические прикладные аспекты каждой из перечисленных дисциплин по мере того, как они выходят на уровень философского обобщения, осмысления и экзистенциальной экспертизы входят в проблемное поле и содержательный контекст современной практической философии. Полагаю, что все они пересекаются как круги Эйлера. Конкретные теоретико-методологические позиции исследования (исследователя) позволяют выявить области пересечения в контексте конкретных практических задач, решаемых индивидом и обществом.

4. Почему этическое измерение человека и его сознание становятся метапроблемой современной практической философии?

Ф.В. Лазарев:

Наша общепланетарная цивилизация переживает глубокий антропологический и культурно-исторический кризис, затрагивающий самую родовую сущность человека. Здесь прежде всего следует указать на разнообразные процессы расчеловечивания человека, как на социокультурном, так и на обыденном уровне бытия в мире.

Проблема сохранения духовно-нравственных хронотопов производства человеческого в человеке тем самым выдвигается на первый план. Именно эта проблема оказывается в фокусе аналитических разработок практической философии.

Г.Л. Тульчинский:

В силу отмеченного выше сдвига гуманитарной парадигмы. Который, в свою очередь обусловлен тем, что опыт цивилизации убедительно показывает, что:

- экономика, социальная жизнь, политика – не самоценны. Они обеспечивают инфраструктуру формирования и развития определенного образа жизни – культуры. Игнорирование этого приводит к экономико-центризму, тоталитаризму и т.п. Понимание, что culture matters дошло даже до российских экономистов и политтехнологов.
- культура тоже не самоценна, а выступает инфраструктурой формирования и развития определенного типа личности. Культуроцентризм, в свою очередь, чреват шовинизмом.
- но и личность не самоценна. Она только инфраструктура формирования самосознания, субъективной вменяемости и ответственности. Вне этого возникает эгоцентризм и индивидуализм. Примером может служить бездумная пропаганда прав человека, нарушающая баланс прав и ответственности – как в социальной коммуникации, так и в политике и межличностных отношениях. Сознание – чувствилище свободы, которая отнюдь не дыра в бытии (Бердяев, Сартр). Она вторична

по отношению к ответственности как в своем генезисе (что отлично знает каждый родитель и наставник, а теперь и нейропсихолог), так и в реализации. Ответственное самосознание самости – ключевое звено гуманитарной экспертизы. Не обеспечивается реализация этого звена – обесмысливается вся конструкция социума, его инжиниринг и дизайн. Так что, если бы состоялся спор Бердяева и Бахтина, то прав бы оказался второй.

Д.И. Выдрин:

Человек становится человеком в той мере, в какой его сознание насыщается этическими нормами и ценностями. Если изъять мораль из сознания человека, если его полностью «деморализовать» – он превращается в животное. Соответственно, этическое измерение человека – это и есть главная задача философии. Только через это можно выяснить насколько люди соответствуют своему родовому предназначению. Иначе говоря, только философия выясняет меру человеческого в человеке.

Е.Д. Протопапакис:

Как я вижу, вопрос здесь касается личной идентичности, гипотезы о том, что может существовать такое существо, как уникальная человеческая личность, которую Кант называет «рациональным нравственным существом», которое обладает способностью управлять своей собственной судьбой в соответствии с тем, что диктует его моральное сознание. Эта точка зрения была серьезно оспорена в первой половине двадцатого века социологами и философами права, такими как Габриэль Тард и Чезаре Ломброзо, которые предположили, что мораль может быть сведена к социальному подражанию и генетическому атавизму соответственно, а во второй половине такими философами, как Бернард Уильямс и Томас Нагель ввели понятие моральной удачи. Согласно этим взглядам, вопрос больше не в том, как человек может быть нравственно хорошим, а в том в силах ли ему самому стать нравственно хорошим, или мораль и моральная совесть – это просто продукт непредвиденных обстоятельств. Иммануил Кант, конечно, считал бы моральную удачу типичным оксюмороном, но у Нагеля и Уильямса есть несколько своих веских аргументов. А Милграм и другие недавно представили

убедительные эмпирические доказательства в поддержку этого подхода. Если моральное сознание человека, по крайней мере в какой-то степени, зависит от обстоятельств и окружающей среды, в которой человек формируется, то практическая философия, вероятно, должна это учитывать. Другими словами, вместо того, чтобы вкладывать все свои усилия в формирование личности, должно стремиться формировать среду, которая в конечном итоге формирует человека таким какой он есть. Это действительно метапроблема в том смысле, что она не столько провоцирует дебаты о морали, сколько дебаты о масштабах и обоснованности этики.

Прийти Дас:

Объяснения физического поведения намного проще по сравнению с добродетельным поведением или сознательным подходом. Нет четко определенных параметров, которые могли бы объяснить этическое измерение человека и его сознания.

А.П. Воеводин:

Вся история человечества – это история обуздания животных инстинктов и утверждения человечности или моральности, преодоление отношения к человеку как к средству. Человечество учится существовать по-человечески, то есть относиться к людям как к цели. Поэтому политика и все сферы жизни испытывают давление со стороны морали. Поэтому социалистические идеи не сходят с повестки дня.

А.И. Макаров:

Этическое измерение становится метапроблемой, потому что после Канта и Маркса утвердилось социально-гносеологическая парадигма реальности: практически все есть продукт сознания, а сознание существует только в социальных рамках.

С.А. Маленко:

Сокрушительные изменения современной природной и социальной среды, транс(де)формация характера ее технического и технологического сопровождения парадоксальным образом не требуют адаптации «старых» типов морали. В этих условиях новые поколения оказываются полностью индифферентными к тем моральным ценностям, на которых выросли их цивилизационные предшественники. В то же время актуальный социальный контекст всячески потворствует подобному этическому вакууму, позиционируя возможность создания «новой этики», которая позволила бы найти оптимальный баланс между индивидуальными запросами, социальной целесообразностью, коммуникативными возможностями, технологической оснащенностью и политической безопасностью. Ценностная пустота, характерная для эпохи миллениума, должна была неизбежно заполниться актуальным перечнем первичных моральных нормативов, которые позволили бы современному человеку адаптироваться к новым условиям. Но как мы видим, даже сегодня эти правила до конца еще не сложились, хотя потребность в наличии общепринятых норм коммуникации является крайне острой.

А.Г. Некита:

Это особенно хорошо видно на примере молодого поколения, которое, не понимая своей социальной роли, консервирует свое мировоззрение на уровне политически безопасных, инфантильных, зачастую безликих и ни к чему не обязывающих коммуникативных моделей. И то, что вызывает явное недоумение у старших, вполне возможно, является для молодежи «новым» этическим «императивом неучастия», пассивного протеста и преодоления излишнего формализма, характерного для традиционных способов коммуникации прошлых поколений. По сути дела, разработка принципов «новой этики» в цифровом обществе должна стать одним из ведущих направлений развития практической философии. Именно анализ конкретных практик и феноменов должен составить основное содержание философских обобщений. Только в этом случае практическая философия подтвердит актуальность своей социокультурной роли и предложит целый ряд механизмов адаптации человека к изменяющимся условиям.

Ю.В. Шичанина:

Потому что в пространстве этического изменения во многом происходит легитимация человеческих практик, телеологическое обоснование и оправдание избранных индивидом и обществом стратегий риск-менеджмента.

5. Какое место занимает и какую роль играет практическая философия в современных конвергентных исследованиях?

Ф.В. Лазарев:

Практически-ориентированное философствование является по существу синтетическим типом мышления. Относительного своего проблемного поля оно представляет собой специфический результат конвергенции таких традиционных сфер теоретического освоения мира, как философия, социология, глобалистика и др. В эпоху ускорения процессов конвергенции отдельных дисциплин и технологий возникает потребность в их методологическом осмыслении, в разработке адекватных моделей познавательной деятельности, связанной с многомерным синтезом знания в тех или иных областях науки и техники.

Эту существенно новую и весьма сложную задачу сегодня пытаются решить представители научного сообщества на самых различных концептуальных уровнях – на уровне отдельных научных дисциплин, на уровне трансдисциплинарного сотрудничества, равно как и в рамках тех или иных методологических программ. Очевидно, что во всех этих попытках практической философии принадлежит ключевая роль.

Г.Л. Тульчинский:

Практическая философия выступает смысловой платформой меж-, кроссдисциплинарности и конвергенции.

Д.И. Выдрин:

Философия – это и есть универсальная конвергентная платформа. Из философии все исследования мира вытекают и все в нее вливаются. Это как океан, из которого вышла жизнь и в который она рано или поздно вернется.

Е.Д. Протопападакис:

Как я уже отметил, все области, относящиеся к практической философии, могут – или должны – рассматриваться как взаимозависимые, взаимосвязанные и постоянно открытые друг для друга, а также для других наук, таких как биология, психология и др. В этом смысле практическая философия является воплощением современных конвергентных исследований. Лучшим примером для этого, вероятно, является биоэтика, которая не только приветствует, но и фактически требует сотрудничества между учеными из как можно большего числа областей – случай клонирования человека в целях воспроизводства, о котором я уже упоминал, весьма показателен. Однако я действительно сомневаюсь в том, что конвергенция в исследованиях является достижением нашего времени. Считаю, что научные исследования всегда нуждались в конвергенции, и это в равной степени относится и к философским исследованиям. Случай Аристотеля является лучшим примером. Однако сейчас необходимость и значение поиска точек соприкосновения в исследованиях стали неоспоримым фактом, и практическая философия может похвастаться тем, что сыграла в этом решающую роль.

Прийти Дас:

Мораль и человеческие ценности лежат в основе практической философии, и она стремится к истине и объяснению более осмысленной жизни. Технический прогресс, обмен информацией, межкультурный обмен в огромной степени способствовали развитию критического мышления, а также научной рациональности. Если современное общество в значительной степени зависит от научного прогресса, то растущая нетерпимость, нарушение прав человека, гонка вооружений и т.д. создают серьезные проблемы для существования человечества. Практическая философия предоставляет наиболее важные инструменты для критического мышления не только для академических дискуссий, но и для более осознанной и осмысленной жизни.

А.П. Воеводин:

Если нет понимания своего антропологического предмета, то можно сказать, что практическая философия в современных конвергентных исследованиях играет фарисейско-спекулятивную роль.

А.И. Макаров:

Практическая философия является средой для применения метанаучного инструментария и, прежде всего формальной логики и аналитических компетенций.

С.А. Маленко:

Современные западные и отечественные исследования развиваются в направлении методологического плюрализма и междисциплинарности. Это связано со значительным усложнением исследовательских предметов, что требует коллективной профессиональной экспертизы специалистов из различных областей научного знания. Поэтому междисциплинарность и конвергентность становятся показателями формирования принципиально новых исследовательских пространств, которые ранее вообще не были возможными. При этом четко прослеживается ситуация, когда вновь возникающие предметные области не могут быть изучены с точки зрения одной или даже нескольких смежных отраслей знания. В то же время существующая разобщенность между естественными и гуманитарными науками, которая ранее оправдывалась исключительностью предметных областей их исследований, в современных условиях продолжает активно разрушаться. При этом новые предметные области могут быть продуктивно изучены только в результате не

противопоставления, но активного сближения естественно-научных и гуманитарных исследовательских стратегий. Более того, потребность естественно-научных исследований в философских обобщениях оказывается неизмеримо большей и принципиально важной. В противном случае они всякий раз останавливаются лишь на этапе инструментального изучения вновь открывающихся фактов, без их мировоззренческой, идеологической и социокультурной интерпретации. В этом смысле у практической философии есть уникальный шанс и огромный потенциал для осознания антропологической ценности нового этапа научно-технического прогресса, а также для выведения конвергентных исследований на принципиально новый уровень, когда эта практика станет нормой, а не парадоксальным исключением из правил.

Ю.В. Шичанина:

Роль и место практической философии зависит от характера избранной стратегии управления современными рисками. Она может носить как генерализирующий характер, попытку выйти на уровень философского обобщения и универсальной категоризации, так и специфический характер применения философского анализа к конкретной области исследований – охватывать проблемное поле конвергентных исследований или занимать соответствующую узкую нишу внутри них.

М. Эпштейн:

Собственно, на все вопросы дал бы один ответ, касающийся философской практики. Вектор движения философии, особенно четко обозначившийся после кантовского «коперниканского» переворота, – усиление практического разума, установка на пересоздание мира. Это выразилось в знаменитом афоризме К. Маркса: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» ("Тезисы о Фейербахе", 11). Однако в марксовской формулировке заметна пугающая асимметрия: «различным образом» относится только к «объяснять», но не «изменять». Изменять мир единообразно, по одному шаблону, – значит подвергать его риску разрушительных последствий, слишком хорошо известных XX-му в. Поэтому философия XXI в., наученная опытом воинствующего философского тоталитаризма, готова следовать призыву «изменять», лишь добавляя к нему «различным образом», т.е. действовать в разных направлениях, проектировать множественность альтернативных преобразующих практик.

Философская практика не означает переход философии в политику, в экономику, технику, в иные практики, изменяющие мир. Философия обладает собственной практикой – и изменяет себе, когда перенимает методы иных практик. Философия – эта практика отношения человека к миру в целом: мышления о мире, восприятия и чувствования мира, самоопределения и самореализации в мировом контексте. Философская жизнь – это жизнь перед лицом всего мира, всего мыслимого мироздания.

На первый взгляд, наиболее философски должны действовать политики, особенно руководители государств и больших международных организаций, поскольку от них в наибольшей степени зависят судьбы людей и мира. Но политические действия отличаются от философских тем, что чаще всего диктуются соображениями практической целесообразности, консолидации власти, экономической выгоды, классового или корпоративного эгоизма, личного честолюбия и т.д. Но если, например, человек долго и упорно отгоняет от себя комара, вместо того чтобы прихлопнуть его одним ударом, потому что в принципе не хочет лишать жизни даже ничтожное насекомое, то, как бы ни было мелко данное действие (или бездействие), оно может считаться философским. «Неубиение комара» в этом случае выражает сострадание всему живому и представление о жизни как наивысшей ценности.

Политические действия, как правило, влияют на мир экстенсивно, умножая число объектов (граждан, организаций, этносов, территорий) подвергающихся такому воздействию, и в этом смысле они, как ни парадоксально, более ограничены, чем действия одиночек, напрямую решающих проблемы своих частных отношений с мирозданием в целом. Конечно, Наполеон по масштабу своих деяний философичнее какого-нибудь бездумного обывателя, но поступок Кьеркегора, отказавшегося от брака со своей невестой Региной Ольсен, по сути философичнее имперских завоеваний Наполеона.

Философскими действиями, или «мыследействиями», изобилует жизнь персонажей Достоевского, для которых самое важное – «мысль разрешить». Самоубийство Кириллова в «Бесах» и преступление Раскольникова – это, несомненно, философские действия, как и безучастность

Ставрогина, наблюдающего самоубийство соблазненной им Матрешки, или отъезд Ивана Карамазова в Москву, позволивший Смердякову убить Федора Карамазова.

Столь же философично действуют персонажи Андрея Платонова. Например, Воцев из «Котлована» собирает самые ненужные вещи, чтобы докопаться до их тайного смысла – и оправдания перед лицом вечности. «Воцев подобрал отсохший лист и спрятал его в тайное отделение мешка, где он сберегал всякие предметы несчастья и безвестности... "Раз ты никому не нужен и валяешься среди всего мира, то я тебя буду хранить и помнить"». Нет ничего более ничтожного и пустого, с прагматической точки зрения, чем это подбирание первого попавшегося листка – и ничего более философски значительного, потому что эта «ненужность» служит космодицее, проверке осмысленности бытия как такового.

Философское действие – это утверждение или отрицание определенной концепции мироздания, это эксперимент над миром в целом, в какой бы конкретной точке это действие ни производилось. Более того, именно отнесенность к миру как к целому позволяет сократить реальный масштаб философского действия до наименьшего из возможных: убить (или не убить) не толпу людей, а только одну никому не нужную старуху или, коль скоро ставится вопрос об отношении ко всему живому, всего лишь одного комара. Собрать и сберечь не коллекцию картин (это действие коммерческое или эстетическое), а лишь один засохший листочек. Подобно тому как физики исследуют природу мироздания через анализ его наименьших составляющих: атомов, квантов, элементарных частиц, – так и философия может «испытывать» мироздание через мельчайшие и вместе с тем мирообъемлющие действия, которые решают вопрос о свободе (или несвободе) воли, о ценности (или ничтожестве) жизни, о соотношении временного и вечного и т.п.

Наконец, совокупность философских действий, если они принимают систематический, последовательный характер, может складываться в *философский образ жизни*. Например, Генри Торо, руководствуясь своей философией трансцендентализма, два года прожил в построенной им хижине на берегу Уолденского пруда. «Я ушел в лес потому, что хотел жить разумно, иметь дело лишь с важнейшими фактами жизни и попробовать чему-то от нее научиться, чтобы не оказалось перед смертью, что я вовсе не жил.... Я хотел погрузиться в самую суть жизни и добраться до ее сердцевины...» («Уолден, или Жизнь в лесу»). Среди людей, которые *жили философски*, т.е. полностью или частично подчиняли свой жизненный уклад философскому мировоззрению, можно отметить Пифагора, Диогена и Сократа, М. Ганди и А. Швейцера, Л. Толстого и М. Пришвина... Таким образом, философия, как область универсального, не сводится к мышлению, но охватывает человека в его целостности. Как ни странно, университетский преподаватель или автор книг по философии может быть меньше причастен к универсальному, чем человек, чье философское призвание совершается в области чувств или действий.

С.А. Лебедев:

Я хотел бы остановиться на проблеме соотношения теоретической и практической философии. Сущность разделяемого мной решения данной проблемы очень проста, очевидна и вместе с тем достаточно широка. Она заключается в следующем: практическая философия – это область применения теоретической философии.

Специфическим предметом философии как особой области теоретического знания является рефлексия, анализ и обоснование универсальных (всеобщих и необходимых) ценностей (целей) человеческого бытия как бытия особого рода (Кант). Вспомним формулировку Кантом трех основных проблем философии: что я (как человек) могу знать, что я должен делать, и на что я могу надеяться. Очевидно, что эти проблемы внутренне связаны между собой, и решение одной из них влияет на решение других. С другой стороны, столь же очевидно, что их решение зависит от той системы ценностей (целей бытия), которая присуща человеку как особому виду живых существ, качественно отличающих его от всех других космических систем, как неорганических, так и органических.

Система универсальных ценностей (целей) человеческого бытия должна быть такой, чтобы обеспечивать человеческому роду как целому максимально адаптивное и длительное существование в мире. Именно она является (должна являться) основным регулятором человеческой деятельности в целом и в ее различных областях (познание, практическая деятельность, социальные коммуникации, культура, этические отношения между людьми и окружающей их природой, гордость человека за

причастность его к мыслящим существам и мировому Логосу, к свободе в принятии решений, благодаря наличию сознания). Именно система универсальных и частных ценностей является основным фактором, определяющим поведение и поступки людей, их отношение к миру, обществу, другим людям, самим себе.

Поэтому любая форма мировоззрения людей, но особенно философия, как рационально, то есть критически, отрефлексированное мировоззрение, несомненно, имеет фундаментальное практическое значение и для жизни общества в целом, и для каждого индивида. Среди базовых ценностей (целей, ориентиров) человеческого способа бытия в мире мировой культурой были выработаны такие ценности как само Бытие (Жизнь), а также Добро (Благо), Истина, Польза, Красота (Гармония), Любовь, Мужество, Свобода, Ответственность, Справедливость, Солидарность и др. Будучи зафиксированы в философии в форме теоретических понятий эти ценности со временем приобрели с точки зрения своего содержания статус идеалов и идеальных объектов. При этом, наряду с универсальными ценностями, для разных видов человеческой деятельности существуют свои специфические ценности, которые выступают в качестве главных целей в соответствующем виде деятельности. Так, в образовании это адекватное усвоение накопленного обществом знания и навыков, в искусстве это красота и гармония, в материальной деятельности – практическая польза, в экономике – эффективность, в спорте – физическое совершенство, в медицине – здоровье и долголетие людей, в науке – объективно-истинное, доказательное и практически полезное знание (инновации). Цели указывают на то, в каком направлении человеку и человечеству следует идти, чтобы обеспечить рост своих адаптивных возможностей в отношении окружающей его объективной реальности.

Как известно, необходимым законом функционирования мышления и языка является закон бинарных оппозиций или закон двоичной системы кодирования информации по принципу: всякое явление может быть только либо А, либо не-А (в цифровом обозначении либо 0, либо 1). А имеет смысл и определенность только по отношению к не-А и наоборот. Сказав: «А», мы с необходимостью разбиваем этим символом весь универсум объектов на два непересекающихся множества: множество объектов «А» и множество объектов «не-А». Поэтому любая ценность имеет определенный смысл только по отношению к своей противоположной ценности, автоматически порождая последнюю. Для языка и мышления сложное всегда есть не что иное, как комбинация составляющих их более простых элементов и, в конечном счете, исходных, базовых элементов. Адаптивный смысл выделения людьми положительных ценностей, их наименования, последующего конструирования их содержания, а также его постоянный критический анализ означает только одно: принятие людьми рационального решения, согласно которому движение общества в направлении отрицательных ценностей (не-Бытие, Ложь, Зло, Ненависть, Несправедливость, Хаос, Дисгармония, Несовершенство, Трусость, Предательство, Безответственность, Вражда и др.) будет для него не только менее адаптивным, но и существенно деструктивным по сравнению с движением человечества в сторону положительных ценностей. Столь же деструктивной является стратегия поведения людей в направлении пренебрежения к осуществлению выбора между положительными и отрицательными ценностями.

Необходимо помнить, что все идеалы, как любые понятия и обозначающие их слова, имеют мыслительно-лингвистическую природу, заключающуюся в имманентно присущем мышлению и языку стремлению к абсолютной определенности своего содержания и инструментов, средств его кодификации. Чувственное познание не имеет такой интенции. Чувственное, а также художественное познание и порождаемое ими знание достаточно терпимо относятся к отсутствию абсолютной определенности своей информации, вполне довольствуясь (за неимением соответствующих когнитивных возможностей и средств) лишь относительно определенной информацией (причем в достаточно широком диапазоне неопределенности). Для многих успешных практических действий этого вполне достаточно, поскольку сама практика не является полностью определенной.

Зачем тогда нужны идеалы с абсолютной определенностью содержания и описывающие их теории (от математики и конкретно-научных теорий до философии)? Этот вопрос, также, как и ответ на него – имеют очень важный адаптивно-практический смысл и значение. Теории и описываемая ими теоретическая реальность как имманентные продукты мышления выполняют в палитре инструментов адаптации человека к миру оценочную функцию эталонного знания и эталонной

реальности по отношению ко всем другим видам знания и видам реальности, с которыми имеет дело человеческое сознание и познание. Хотя любые идеалы (в том числе и мировоззренческие ценности) не могут быть реализованы на сто процентов в эмпирической и объективной реальности, именно они, как эталоны, ставят оценку последним на их соответствие себе и в результате этих оценок структурируют всю реальность, эффективно адаптируются к ней, а иногда и изменяют эти виды реальности. Очевидно, что между теорией и опытом никогда не может быть абсолютно полного соответствия. Тогда следующий вопрос будет состоять в том, кому следует отдавать приоритет в оценке этого несоответствия: кто кого должен оценивать и выступать для него эталоном. Здесь существуют два логически возможных ответа: эмпиризм, отдающий предпочтение опыту (который якобы ближе к объективной реальности) и рационализм, отдающий предпочтение мышлению и создаваемой им реальности, как более точной и определенной, чем эмпирическая и объективная реальность. У рационалистов есть аналитический и по-своему неопровержимый аргумент: именно определенным знанием нужно судить неопределенное или менее определенное знание, как менее совершенное, а не наоборот. Ибо последняя стратегия не просто абсурдна с точки зрения мышления, но и нежелательна, ибо будет неизбежно вести к резкому снижению адаптационного потенциала человеческого рода. В этом плане философия как рационально-теоретическая форма мировоззрения имеет явное адаптационное преимущество перед всеми другими формами мировоззрения, включая обыденное мировоззрение и лежащий в его основе пресловутый «здравый смысл».

Предлагаемое решение проблемы соотношения предмета практической философии с философией как рационально-теоретической формой мировоззрения имеет как свои ограничения, так и определенные преимущества. К ее ограничениям относится сведение ядра теоретической философии к конструированию и критическому обсуждению содержания универсальных ценностей (целей) человеческого способа бытия в мире, а к преимуществам – осознание открытости этой системы и возможностям совершенствования ее содержания на основе учета реального опыта взаимодействия, как отдельного человека, так и человечества в целом с объективной реальностью, ее основными областями с их огромным разнообразием и изменениями (Природой-Космосом, обществом, другими людьми, с самими собой).